

УДК 94(430).087

**ПРАВО НА СЛУЖБЕ ПОЛИТИКЕ:
ГЕРМАНСКИЙ ОПЫТ В ПОСТБИПОЛЯРНУЮ ЭПОХУ (1990-е – 2006 г.)**

А. И. Егоров

**LAW IN THE SERVICE POLITICS:
THE GERMAN EXPERIENCE IN THE POST-BIPOLAR ERA (1990s – 2006)**

A. I. Egorov

В статье рассматривается проблема соотношения политики и права в деятельности ФРГ на международной арене. Исследуется правовое обеспечение преодоления Германией политических последствий Второй мировой войны, укрепления ее позиций на европейском континенте, расширения сферы применения бундесвера за границей. Весомое место отводится анализу правовой позиции, занятой Берлином в связи с действиями российской армии в Чечне.

The paper considers the problem of the relationship between politics and law of the Federal Republic of Germany in the international arena. We investigate the legal support to overcome the political consequences of German World War II, strengthening its position in Europe, expanding the scope of the Bundeswehr abroad. Important place given to the analysis of the legal position taken by Berlin in connection with the actions of the Russian army in Chechnya.

Ключевые слова: право, политика, права человека, правовое государство, демократия, суверенитет, Германия, Россия.

Keywords: law, politics, human rights, rule of law, democracy, sovereignty, Germany, Russia.

С крушением авторитарной системы и торжеством демократической модели общественного развития международное право получило шанс для трансформации в универсальный регулятор, признаваемый большинством цивилизованных стран мира. Такая возможность объективно подкреплялась интеграционной тенденцией, способствующей формированию единого глобального пространства.

Однако в мировой политике возобладали иные приоритеты, поставившие юридические нормы на службу однополярной системе международных отношений. Американские стандарты проникли во все сферы общественной жизни, стремясь превратить международное право в эффективный инструмент решения политических и экономических проблем Вашингтона.

Был поставлен под сомнение такой краеугольный принцип, как суверенитет, в соответствии с которым действие международного права заканчивается на государственных границах, а прочие субъекты обязываются не вовлекаться во внутренние дела государства без согласия последнего. Стратеги НАТО и США взяли на вооружение доктрину допустимости вмешательства во внутренние государства как для поддержания международного мира и безопасности, так и по гуманитарным причинам, что нашло воплощение в агрессивных акциях против Союзной Республики Югославии (1999 г.), Афганистана (2001 г.) и Ирака (2003 г.).

Субъектам мировой политики не оставалось ничего иного, как приспособиться к обозначившейся тенденции и попытаться, мысля в духе политического реализма, использовать ситуацию для реализации своих интересов. ФРГ, общество которой после окончания Второй мировой войны развивалось под решающим влиянием либеральных ценностей и в

духе западной плюралистической демократии, такое приспособление было осуществить проще, нежели ряду стран, чей исторический опыт был противоположным. При этом германские власти отдавали себе отчет в том, что задача продвижения национальных интересов с помощью правовых инструментов должна решаться постепенно, после соответствующей дипломатической подготовки.

Прежде всего, Германия стремилась преодолеть политические ограничения, наложенные на нее по итогам Второй мировой войны. Решающий импульс этому процессу был дан 12 сентября 1990 г., когда министры иностранных дел ГДР, ФРГ, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, США, СССР и Франции подписали Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. В преамбуле Договора обращало на себя внимание признание сторонами того, что «немецкий народ, свободно осуществляя право на самоопределение, изъявил желание и волю к строительству государственного единства Германии» [8, с. 972]. В результате теряли свое значение права и ответственность четырех держав в отношении Берлина и Германии в целом. Объединенная Германия обрела полный суверенитет над своими внутренними и внешними делами.

Между тем после объединения стало очевидно, что на международной арене ФРГ отдает предпочтение праву наций на самоопределение перед государственным суверенитетом. 23 декабря 1991 г. Федеральное правительство Г. Коля признало самопровозглашенную независимость Словении и Хорватии, входивших в состав суверенной Югославии. Этот шаг германской дипломатии противоречил международным обязательствам ее страны, в частности, принципам Парижской хартии для новой

Европы, подписанной в 1991 г., а также пунктам советско-германского «Большого договора» (1990 г.), где говорилось о взаимном обязательстве «обеспечивать приоритет общепринятых норм международного права» и «неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах» (ст. 1 и 2). Германия противопоставила свою позицию мнению специальной комиссии ЕС, рекомендовавшей не признавать словенскую и хорватскую суверенности. Принципа сохранения территориальной целостности Югославии придерживались в то время президент США Дж. Буш-старший, специальный представитель ООН в Югославии С. Вэнс, председатель мирной конференции по Югославии лорд Каррингтон.

В качестве юридического обоснования признания Германией независимости Словении и Хорватии было использовано право наций на самоопределение. Заместитель председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге Р. Шольц подчеркивал: «Право на самоопределение принадлежит к числу важнейших гарантий международного права. На основании п. 1 ст. 1 Устава ООН признано, что право на самоопределение представляет собой юридически обязательную гарантию. Последняя дополняется ст. 55 Устава ООН, а также «Декларацией о правах человека» ООН 1966 г.» [17, s. 156]. Кроме того, немецкие представители ссылались на прецедент, когда право на самоопределение было реализовано при объединении Германии.

Важным направлением политики властей ФРГ стало укрепление правовой базы, расширявшей сферу применения германских вооруженных сил. Повышение их боеспособности отразилось в увеличении задач бундесвера, прежде всего участия в многонациональных военных акциях за границей. Национальное законодательство стремилось максимально приспособиться к политическим запросам, в связи с чем 12 июля 1994 г. Конституционный суд ФРГ принял решение об отмене поправки 1982 г. к 24-й главе Основного закона, запрещавшей участие бундесвера в военных операциях за рубежом [4, с. 423].

30 июня 1995 г. бундестаг 386 голосами «за» (при 258 «против» и 11 «воздержавшихся») одобрил решение федерального правительства отправить немецкие воздушные и санитарные силы по поддержке корпуса быстрого реагирования в Боснию. Также была открыта дорога для поставки военных самолетов «Торнадо», способных уничтожать системы ПВО. Консолидированная позиция правительства и бундестага ФРГ получила одобрение со стороны Федерального конституционного суда. Его бывший председатель Э. Бенда фактически признавал политический подтекст данного решения, отмечая, что «с восстановлением государственного единства Германии вес ее политики в мире изменился. Международное сообщество ждет от ФРГ занятия активной позиции в региональных конфликтах» [9].

13 декабря 1996 г. немецкий бундестаг сделал очередной шаг – принял ходатайство федерального

правительства об отправке 3 тыс. военнослужащих бундесвера в рамках натовской программы SFOR по урегулированию конфликта на территории бывшей Югославии на 1,5 года для обеспечения мирного процесса в Боснии.

Использование бундесвера за рубежом получило соответствующее обоснование, принципиальные основы которого были изложены в речи федерального президента Р. Херцога перед Немецким обществом внешней политики, произнесенной в марте 1995 г. Херцог обозначил проблему следующим образом: «Почему французские, бельгийские или нидерландские солдаты могут рисковать жизнью ради достижения общей цели, а немецкие – нет?» [12, s. 196].

Германская сторона занялась разработкой критериев, в соответствии с которыми бундестаг мог бы принимать решения об участии военнослужащих бундесвера в многосторонних операциях за рубежом. Главным условием становилось наличие международно-правового обоснования привлечения немецких войск, что подтверждало бы легитимность акции. Иначе говоря, кризисная интервенция с участием военнослужащих бундесвера не должна была иметь односторонний характер, а происходить исключительно в многосторонних рамках и на основании международного мандата, как правило, Совета Безопасности ООН. Эксперт А. Хайманн-Грудер дополнял это условие другими критериями, а именно: соответствие правового аспекта акции Основному закону ФРГ; ясные миролюбивые цели, которые ставят перед собой силы международной коалиции; наличие политической концепции и четкой стратегии урегулирования ситуации [11, s. 12].

Позиционируя себя в качестве правопослушной стороны, германское руководство вместе с тем акцентировало внимание на изъятиях других стран в правовой области. Особо тщательно власти ФРГ подходили к вопросу соблюдения прав человека, считая, что, будучи зафиксированными во «Всеобщей декларации прав человека», они являются не столько западными, сколько универсальными ценностями. В связи с этим международно-правовой принцип невмешательства во внутренние дела суверенной страны в случае вопиющих нарушений прав человека подходил к пределу. Свою задачу германская дипломатия видела в создании условий, когда религиозные и культурные предпочтения перестанут быть основанием для отрицания универсальных стандартов в области прав человека.

К числу важнейших задач зарубежных представительств Германии (прежде всего посольств) относилась подготовка регулярных сообщений о ситуации с правами человека и правовыми рамочными условиями в стране пребывания. Если официальный Берлин приходил к выводу, что принципы правового государства и демократии находятся под угрозой, то он стремился внести посильный вклад в их защиту. Это происходило как на двусторонней основе, так и в рамках ЕС, НАТО и ООН, чаще всего по со-

гласованию с европейскими и трансатлантическими партнерами.

Реализуя политику в области прав человека, германская дипломатия брала на вооружение разнообразные инструменты. Прежде всего к ним относился мониторинг общественной ситуации, от которой зависело соблюдение прав человека. Затем следовали обращения к правительству и парламентам соответствующих стран, а также представителям их гражданского общества – журналистам, адвокатам, правозащитникам и общественным фондам. Кроме того, активизировались официальные контакты Берлина в области прав человека, которые поддерживались как на многостороннем, так и двустороннем уровнях с рядом стран, в том числе с РФ.

Начало 1990-х гг. совпало с высокими ожиданиями в ФРГ по поводу российских преобразований. Они опирались на весомые показатели растущего политического участия населения РФ. На выборах в Государственную думу и Совет Федерации в декабре 1993 г. была зафиксирована высокая явка избирателей – 54,81 %, а в декабре 1995 г. – почти 64,76 %. В 1996 г. на выборах президента РФ избиратели проявили еще большую активность – 69,8 % в первом туре и 69,4 % во втором. Такие данные можно было расценить как свидетельство окрепших политических обязательств граждан и развития демократических процессов в обществе.

Германия предложила помощь в создании институтов стабильной демократии в России, действуя как в рамках Евросоюза, так и самостоятельно. Главным многосторонним инструментом выступала программа TACIS, разработанная Европейским союзом. Начиная с 1991 г., в рамках этой программы были поддержаны проекты, специализирующиеся на содействии правам человека, формировании принципов правового государства и развитии гражданского общества. Всего на реализацию этих проектов в России было выделено 1,2 млрд евро.

Также федеральное правительство разработало свои трансформационные программы, преследуя аналогичные цели. Собственно, немецкая поддержка России в строительстве правового государства стала осуществляться позднее, с 1994 г., и выразилась общей суммой в 350 млн ДМ [7, с. 255]. Ее нельзя считать значительной, особенно на фоне крупномасштабной поддержки со стороны Германии бывших советских республик. Лишь одной маленькой Грузии была предоставлена финансовая помощь, исчислявшаяся такой же суммой.

Со второй половины 1990-х гг. в Германии стали все чаще скептически отзываться об успехах России в деле формирования демократических устоев. К тому времени Кремлю не удалось создать ключевые предпосылки демократизации – правовое государство, стабильную многопартийную систему и дееспособный парламентаризм. Приравнять же победу Б. Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г. к «триумфу демократии» оказалось прежде-

временным. В России к тому времени сложился переходный режим, для которого были характерны сильная президентская власть и относительно слабые представительные органы.

В известной степени разочарованность немецкой стороны подпитывалась боевыми действиями российской армии на Северном Кавказе, развернутыми в ходе первой чеченской кампании и сопровождавшимися многочисленными людскими жертвами.

Для общественного мнения Германии такая ситуация являлась показателем неоимперских устремлений российского руководства, возрождения политического мышления в духе советских традиций, что способствовало усилению негативизма в отношении Москвы.

Консервативно-либеральное правительство Г. Коля пыталось сдерживать нарастание антироссийской тенденции в своей стране, заняв умеренную позицию. Властям Германии было невыгодно подогревать сепаратистские настроения в РФ. Это могло подготовить почву для массовой поддержки террористов населением Чеченской республики, что, в свою очередь, грозило дестабилизировать ситуацию в стране и в конечном счете выступить фактором трансформации российского политического режима в сторону авторитаризма. Также Германия проявляла заинтересованность в сохранении территориальной целостности РФ, ибо ее возможный распад грозил привести к непредсказуемым последствиям на постсоветском пространстве.

В то же время федеральное правительство не исключало возможности введения санкций против РФ по линии Евросоюза. При этом предполагался тщательный подход к выбору инструментария возможных санкций и расчету их политической эффективности. Радикальные действия недружественного характера (например разрыв экономических отношений между ЕС и Россией) были отвергнуты, поскольку объективно вели к появлению новых разделительных полос в Европе, а фактически – к изоляции Москвы.

Такие соображения толкали германское руководство на расширение контактов с российской стороной по дипломатическим каналам, где основную тяжесть работы брало на себя внешнеполитическое ведомство.

Предполагалось воздействовать на Кремль с помощью инструментов дипломатии, тем более, что при вступлении в Совет Европы (1996 г.) Россия обязалась разрешать внутренние конфликты мирными средствами и при соблюдении норм международного права. С этой точки зрения, полагали германские представители, следует кропотливо и настойчиво разъяснять Москве неприемлемость ее действий в Чечне ввиду их несоответствия нормам международного права. Решение чеченской проблемы руководство ФРГ искало в политической сфере. Выход им виделся в сохранении территориальной целостности российского государства, что не ис-

ключало предоставление Чеченской республике широкой автономии. Только этот шаг, по мнению германской дипломатии, становился весомым правовым основанием для прекращения кровопролития, а стало быть, соблюдения прав и свобод человека в Чечне.

Ситуация стала меняться после прихода к власти в ФРГ коалиционного правительства СДПГ – Союз 90/«Зеленые». Амбиции новых лидеров Германии на международной арене оказались предельно большими. Они стремились положить конец дискуссии о «нормальности» своей страны [3], превратить ФРГ в одного из самых влиятельных субъектов мирового политического процесса, обеспечить устойчивое положение германского государства в многосторонних международных организациях. Выступая 10 ноября 1998 г. перед бундестагом с первым правительственным заявлением, федеральный канцлер Г. Шредер сравнил формирование нового кабинета со сменой поколений немецкой нации и дал понять, что намерен подвести черту под послевоенным периодом германской истории. «Мы гордимся нашей страной... Это уверенность в себе взрослой нации, которая не должна чувствовать себя превосходящей или проигравшей никому. Она помнит историю и свою ответственность, но при этом смотрит вперед», – подчеркнул Шредер [16].

Позиция, занятая правительством СДПГ – Союз 90/«Зеленые» в отношении соблюдения прав человека в РФ, оказалась значительно более жесткой, чему способствовало несколько факторов. Прежде всего, это начало второй чеченской войны, в которой переплелись сложнейшие проблемы российского общества. Ее успешное проведение помогло предотвратить отделение Дагестана и Чечни от России, нанести серьезный удар по террористическим организациям на их территории; способствовало широкой поддержке В. В. Путина накануне выборов президента РФ (26 марта 2000 г.).

Однако серьезное укрепление федеральной власти в России не входило в планы ее западных партнеров, которые предпочитали видеть Москву слабой стороной, не способной проводить самостоятельный внешнеполитический курс. Играя на поле ЕС, Берлин все чаще использовал вторую чеченскую кампанию в качестве повода для вмешательства во внутренние дела России. При этом официальные лица предпочитали говорить о необходимости скорейшего окончания войны, где в массовом порядке нарушаются права и свободы человека. В ход были пущены элементы шантажа, поскольку стратегическое сотрудничество и определенные формы партнерства с Москвой ставились в прямую зависимость от положения дел с правами человека в Чечне, а также от выполнения Кремлем своих международных обязательств.

К тому же Европейский парламент рекомендовал Комитету министров Совета Европы лишить Россию права голоса в соответствующих комитетах, ибо, по его мнению, военная акция РФ в Чечне на-

рушила дух и букву Европейской конвенции о защите прав человека.

Роль главного немецкого критика российской политики в области прав человека взял на себя министр иностранных дел Й. Фишер, который рассматривал чеченскую войну как политическую и гуманитарную катастрофу, которая абсолютно неприемлема ввиду ее направленности против гражданского населения и несовместимости с европейскими и международными нормами» [15]. Официальный Берлин не отрицал право России на защиту своей территориальной целостности, но заявлял, что борьба должна вестись исключительно против терроризма и средствами, приемлемыми для правового государства. Использование жестких, силовых мер, по мнению руководства ФРГ, не имело ничего общего с политикой умиротворения.

В то же время германская сторона не препятствовала деятельности на своей территории сепаратистов, поддерживающих независимость Чечни. В Германии открыто действовало «представительство республики Ичкерии». Граждане ФРГ Авторханов и Абумуслимов именовались личными представителями президента Ичкерии. Также работали «Немецко-Кавказское общество», «Общество защиты угнетенных народов», поддерживавшие тесные связи с сепаратистами.

Избрание в марте 2000 г. президентом РФ В. В. Путина заставило официальный Берлин более четко определить свои новые ожидания в отношении Москвы. ФРГ надеялась на развитие в России демократии, свободы слова, печати, гражданского общества. Особую роль Германия отводила формированию в РФ правового государства. Недостаточное обеспечение правопорядка являлось существенной причиной утечки капитала из стран, а также сдержанного поведения иностранных инвесторов.

Осенью 2002 г. в Германии состоялись очередные парламентские выборы, принесшие победу социал-демократам и их младшим партнерам по коалиции – партии Союз 90/«Зеленые». Руководствуясь принципом преемственности, федеральное правительство выдвинуло в отношении России две программные цели. С одной стороны, Германия, как член НАТО, ЕС и «Большой восьмерки», стремилась к расширению прочного и длительного партнерства в области безопасности между РФ и этими организациями. С другой – официальный Берлин заявлял о необходимости развития политического, экономического и гражданского диалога, что поможет сделать общественно-правовые и социальные реформы в России необратимыми.

Однако Германия все чаще стала брать на себя роль арбитра, который не только осуществляет мониторинг деятельности российских властей по обеспечению прав человека, но и делает замечания в связи с их нарушением. Негативные оценки положения дел с правами человека в РФ усилились, что Берлин объяснял непрекращающимся конфликтом в

Чечне, а также общим курсом Кремля на сворачивание демократии в стране.

25 марта 2003 г. министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер выступил с речью на пленуме Комиссии ООН по правам человека, где позволил себе открытую критику в адрес Москвы в связи с якобы имеющимися нарушениями прав человека в Чечне. Фактически Берлин перешел на позицию негласной поддержки чеченских сепаратистов, а в Германию стали наведываться их эмиссары. В частности, по приглашению нескольких депутатов бундестага, в январе 2004 г. Берлин посетил А. Закиев – один из лидеров чеченских террористов, находящийся в международном розыске.

К тому же ФРГ настойчиво пыталась вмешаться в миротворческий процесс на территории Чечни. Координатором германо-российского сотрудничества по линии общественности при правительстве Германии, членом руководства фракции СДПГ в бундестаге Г. Эрлером было предложено заключить многосторонний «Пакт стабильности для Кавказа» [1], который предусматривал бы – при ведущей роли России – участие Евросоюза и сопредельных государств региона (Грузии), а также международных финансовых институтов в урегулировании ситуации в Чечне. Однако содержание пакта носило ярко выраженный антироссийский характер. В качестве первоначальных шагов к достижению стабильности предлагались такие меры, как: публичный отчет российского руководства о реальном состоянии дел в Чечне в частности и на Северном Кавказе в целом; признание Москвой «противоправных действий части российских войск и сторонников Кадырова»; запуск процесса широкомасштабного восстановления инфраструктуры Чечни с обязательным участием Евросоюза.

Такие выпады не мешали российскому руководству проводить твердый курс на ликвидацию террористической угрозы. К февралю 2004 г. все крупные группировки террористов и их инфраструктура на территории Чечни были уничтожены, и федеральные власти перешли к процессу политического урегулирования. О пророссийских настроениях говорило всенародное принятие новой Конституции Чеченской республики (23 марта 2003 г.), где подчеркивалось, что она является неотъемлемой составной частью РФ.

Вместе с тем угрозы со стороны международного терроризма вынудили Германию налаживать тесное взаимодействие с Кремлем в области обеспечения двусторонней и многосторонней безопасности. В сентябре 2004 г. президентом РФ В. В. Путиным и федеральным канцлером ФРГ Г. Шредером было подписано Совместное заявление о борьбе со всеми формами терроризма в соответствии с Уставом ООН и обязательствами, закрепленными в резолюциях Совета Безопасности этой организации [5, с. 2 – 5]. Особую роль играли координация и активизация усилий для предотвращения приобретения или разработки террористами ядерного, химического и

биологического оружия, средств его доставки, а также связанных с ним материалов, оборудования и технологий.

Расхождения между Москвой и Берлином в понимании демократии породили негативную оценку германской стороной российского политического режима, который зачастую трактовался как псевдodemократический. В его условиях, по мнению германской стороны, «понятие реформы вытесняется термином «модернизация», а «гражданское общество» трансформируется в «национальное согласие». Однако такой курс встретил понимание большинства населения, предпочитающего жить в гомогенной культурной области и исповедовать патриархальные ценности в духе коллективизма.

Несмотря на тесное взаимодействие президента РФ В. В. Путина и федерального канцлера ФРГ Г. Шредера, имидж российского лидера в Германии не приобрел демократической окраски. Напротив, некоторые меры, предпринятые с одобрения В. В. Путина государственными органами в области внутренней политики, в том числе подготовка изменений в законодательство о некоммерческих организациях, были расценены как антидемократические, направленные на подрыв суверенитета гражданского общества в России [14].

Приход к власти в Германии «большой коалиции» ХДС/ХСС-СДПГ обострил разногласия в оценке перспектив строительства правового государства и гражданского общества в РФ. Серьезный информационный повод к этому дала российская сторона, когда 23 декабря 2005 г. Государственная дума приняла Федеральный закон № 18-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». В нем ужесточались требования к деятельности общественных объединений, особенно в части информирования ими федерального органа государственной регистрации об объеме получаемых от международных и иностранных организаций, иностранных лиц и лиц без гражданства денежных средств и иного имущества, о целях их расходования или использования [13]. Немецкая общественность увидела в этом шаг к ослаблению гражданского общества в России, хотя меры могли объясняться тем, что вместо помощи людям, многие некоммерческие общественные организации были заняты исключительно получением зарубежного финансирования и обслуживанием сомнительных групповых и коммерческих интересов.

На этом неблагоприятном фоне 16 января 2006 г. краткосрочный визит в Россию совершила новый федеральный канцлер Германии А. Меркель, которая, однако, не желала накалять обстановку. Она не стала критиковать Федеральный закон №18-ФЗ, отметив лишь, что «он вызвал много возражений, и часть из них была учтена в процессе его разработки. Мы будем следить за его применением с тем, чтобы неправительственные организации и впредь имели возможность осуществлять свою деятельность» [2]. На итоговой пресс-конференции федеральный канц-

лер дипломатично обошла вопрос немецких журналов о нарушении прав человека в Чечне. Меркель признала, что эта тема обсуждалась с президентом РФ В. В. Путиным, однако решение проблемы федеральный канцлер видела в многостороннем формате, а именно – в рамках программ Евросоюза.

После окончания встречи с Путиным она побеседовала в германском посольстве с российскими правозащитниками и оппозиционерами, выслушав их мнение о ситуации в России. В свою очередь, президент РФ согласился с тем, что встречи глав правительств иностранных государств с российскими правозащитниками принадлежат к традициям современной дипломатии [10].

В октябре 2006 г. достоянием гласности стал стратегический документ о политике ФРГ и ЕС в отношении РФ, подготовленный в Министерстве иностранных дел Германии. Исходя из реалистических представлений о весомой роли России в европейской политике, германский МИД выдвинул идею «сближения через интеграцию», в рамках которой обозначались такие приоритетные области, как экономика, политика и культура. Также были поставлены вопросы о свободных экономических зонах на территории России с участием германского капитала, энергетическом партнерстве с Москвой и более тесном сотрудничестве в сфере безопасности [6]. Тема соблюдения прав человека в РФ не была затронута вообще. Это дало основание надеяться на то, что лидеры новой правящей коалиции в Германии являются трезвомыслящими политиками, настроенными проводить конструктивную линию в отношениях с Россией.

Таким образом, объединенной Германии удалось весьма эффективно воспользоваться фактором права для реализации своих интересов на международной арене. Отдавая приоритет праву наций на самоопределение, ФРГ обеспечила собственный государственный суверенитет, признала самопровозглашенную независимость Словении и Хорватии, что усилило ее позиции в европейской политике. Консенсус федеральных властей позволил подвести правовую основу для использования военнослужащих бундсвера за рубежом. Благодаря акцентированию внимания на проблеме прав человека, официальный Берлин оказал дипломатическое давление на Россию, стремясь подтолкнуть Москву к политическому решению чеченского вопроса.

Литература

1. Верлин Е. «Пакт стабильности» для Кавказа [Электронный ресурс] / Е. Верлин, В. Иноземцев // Центр исследований постиндустриального общества. URL: <http://postindustrial.net/> 2004/09. Дата обращения: 16.12.2011.
2. Меркель и Путин опровергли пессимистов [Электронный ресурс]. – URL: <http://vesti70ru/news/full?id=101> (дата обращения: 26.08.2011).

3. О проблеме «нормальности» Германии см.: Gross, J. Begründung der Berliner Republik. Deutschland am Ende des 20. Jahrhunderts / J. Gross. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1995. – 176 s.; Habermas, J. Die Normalität einer Berliner Republik. Kleine Politische Schriften VIII / J. Habermas. – Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1995. – 188 s.

4. Павлов, Н. В. История современной Германии, 1945 – 2005: курс лекций / Н. В. Павлов. – М.: Астрель: АСТ, 2006. – 510 с.

5. Совместное заявление президента Российской Федерации Владимира Путина и Федерального канцлера Федеративной Республики Германия Герхарда Шредера от 9 сентября 2004 г. // Это нападение на нашу страну [Текст]: [подб. ст.]; / В. В. Путин, Г. Шредер // Российская Федерация сегодня. – 2004. – № 18.

6. ФРГ хочет надежных и справедливых отношений Россия-ЕС [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,2303871,00.html> (дата обращения: 26.08.2011).

7. Хильгер, Г. Россия и Германия. Союзники или враги? / Г. Хильгер, А. Майер; пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2008. – 413 с.

8. Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland: Dokumente von 1949 bis 1994 / Hrsg. Auswärtiges Amt. – Köln: Verlage Wissenschaftliche und Politik. – 1995. – 1165 s.

9. Benda, E. Deutsche Außenpolitik vor Gericht. Bundesverfassungsgericht und auswärtige Gewalt [Электронный ресурс] // Internationale Politik. – 1995. № 12. – URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archiv/jahrgang 1995/ dezember 1995/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archiv/jahrgang%201995/dezember%201995/documentation.htm) (дата обращения: 29.07.2009).

10. Dempsey, J. Merkels Mission [Электронный ресурс] // Internationale Politik. – 2007. – № 1. – URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 2007/ januar 2007/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%202007/januar%202007/documentation.htm) (дата обращения: 14.08.2009).

11. Heimann-Grüder, A. Friedensgutachten 2007. – Hrsg.: J. Hippler: LIT-Verlag, 2008. – 336 s.

12. Herzog, R. Vision Europa. Antworten auf globale Herausforderungen, mit einem Vorwort von M. Bissinger und einem Nachwort von K. Kaiser. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1996. – 224 s.

13. Mertes, M. Im Visier des Kremls. Das neue russische NGO-Gesetz schwächt die Zivilgesellschaft [Электронный ресурс] // Internationale Politik. 2006. № 7. – URL: [http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang 2006/ juli 2006/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang%202006/juli%202006/documentation.htm) (дата обращения: 14.08.2009).

14. Mommsen, M. Wer herrscht in Rußland? Der Kreml und die Schatten der Macht. – München: C.H. Beck, 2003. – 260 s.

15. Rede des deutschen Außenministers, Joschka Fischer, bei der Jahresmitgliederversammlung des Deutsch-Russischen Forums am 15. Februar 2000 in Berlin [Электронный ресурс] // Internationale Politik. – 2000. – № 5. – URL: <http://www.internationalepoli->

tik. de/ip/archive/jahrgang 2000/ mai 2000/ documenta-
tion. htm (дата обращения: 30.07.2009).

16. Regierungserklärung von Bundeskanzler Ger-
hard Schröder, abgegeben am 10. November 1998 vor
dem Deutschen Bundestag in Bonn [Электронный ре-
сурс] // Internationale Politik. – 1998. – №12. – URL:

[http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang
1998/ dezember 1998/ documentation. htm](http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1998/dezember1998/documentation.htm) (дата обра-
щения: 30.07.2009).

17. Scholz, R. Deklamationen reichen nicht. Das
Selbstbestimmungsrecht und die deutsche Politik // In-
ternationale Politik. – 1995. – Bd. 4.